

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П. Перегрин и его коллеги прекрасно продемонстрировали, как начиная с раннего палеолита социополитическая организация усложнялась по экспоненте [Peregrine 2001; 2003; Peregrine et al. 2004]. Однако этот вывод был обеспечен форматом базы данных исследования, поскольку в качестве минимальных единиц фигурировали крупные историко-культурные ареалы и эпохальные промежутки времени. Хотя математическое доказательство интуитивно ощущаемых истин не бывает лишним, речь все же идет в большей мере об историософии, чем об истории в собственном смысле слова — историкам интересна конкретика. Опубликованные в восьми томах фактические материалы о древних обществах с еще одним томом указателей [Peregrine, Ember 2000–2003] на роль базы данных исследования претендовать не могут. Эти данные по каждой культуре, локальному варианту или группе культур настолько отрывочны и общи, что читателю, который сам материал целенаправленно не изучал, трудно составить о нем ясное представление. И что еще существеннее — описания редко содержат информацию о размерах поселений, их иерархии, выкладки относительно численности и плотности населения и т.п. При этом они включают разделы, посвященные «религиозной и экспрессивной культуре», которые к теме исследования прямого отношения не имеют. Похоже, количественные данные и качественные оценки, на которые опирались Перегрин и его коллеги при обобщении материала, не взяты из многотомной публикации, а скорее получены от коллег — специалистов по соответствующим культурам. Так это или нет, но какие-то шаги в исследовательской процедуре остались не описаны и соответственно проверке не поддаются.

Наша задача состояла не в том, чтобы еще раз подтвердить и тем более оспорить наличие вектора эволюции, а в прослеживании подробностей и региональных вариантов. Как в Америке, так и в Передней Азии эпохальное усложнение социополитических структур очевидно. Вместе с тем при уменьшении временного шага

становятся заметны колебания темпа развития и отдельные отступления от главной тенденции, а при сравнении исторически не связанных между собой регионов — различия в характере обществ, относящихся к одному и тому же уровню интеграции.

Сравним время появления некоторых археологически заметных признаков сложных обществ в Передней Азии и Центральных Андах (рис. 96). В Верхней и Нижней Месопотамии общественно-культовые сооружения и крупные поселения появляются примерно одновременно — между концом V или началом IV тыс. до н.э. и серединой IV тыс. до н.э., но размеры общественно-культовых сооружений первоначально невелики. Обнаружить такие постройки можно лишь в процессе раскопок, а в современном рельефе памятников они не заметны. Хотя храмы в разных строительных горизонтах возводились один над другим, что хорошо прослежено в Эриду [Safar et al. 1981], более поздние не включали более ранние в массив кладки, образуя все более массивную платформу, а возводились на разровненной площадке и необязательно превосходили более ранние размерами.

Урбанизация в Месопотамии развивалась быстро — от эпохи господства небольших деревень до появления крупных городских центров проходит порядка пятисот лет. Что касается крупных поселений эпохи неолита, таких как Ашикли-хеюк и Чатал-хеюк в Анатолии или Айн-Газаль и другие памятники PPNB Леванта, то их появление не связано с началом урбанизации, а отражает совершенно иное состояние общества — еще слабо дифференцированного и не имеющего властного центра. Они демонстрируют процесс перехода от поселений с выделенными из жилой застройки общественно-культовыми зданиями к поселениям, в которых вся общественно-культурная деятельность сосредоточена в домохозяйствах, а специализированные святилища вовсе отсутствуют. К концу VII тыс. до н.э. исчезают какие-то стимулы, делавшие для людей выгодным совместное проживание, после чего население рассредоточивается по деревням, хотя социальная организация вряд ли существенно меняется. Что это были за стимулы, наверняка сказать трудно, но, похоже, они имели какое-то отношение к идеологии охотников и исчезли после окончательной утраты охотой хозяйственного значения. Кроме того, крупные неолитические поселения являют собой скорее исключения и не отражают основную тенденцию развития переднеазиатского региона. Они возникли только в Анатолии и на юге

Леванта, тогда как в неолите Сирии, Месопотамии, а также Ирана их не было.

Еще более аномальной для переднеазиатского региона выглядит культура верхнего Евфрата в период существования Гёбекли-тепе. Возникнув в середине X тыс. до н.э., эта традиция обрывается примерно через тысячу лет. Не только монументальные изваяния, но и обилие фигуративных изображений отличают Гёбекли (а также Чатал-хеюк) от большинства других памятников неолита и энеолита Передней Азии. Что же касается месопотамских храмов урукского времени, то их предшественниками были не специализированные, отделенные от жилищ святилища эпохи зарождения земледелия, а постройки, внешне похожие на жилые дома и находившиеся рядом с ними. В иконографии большинства культур Сирии и Месопотамии эпохи керамического неолита и энеолита господствуют простые геометрические элементы, сюжетные изображения единичны.

Первые значительные по весу металлические изделия неутилитарного назначения в Леванте и, видимо, в Закавказье датируются примерно тем же временем, что и превращение Урука и, вероятно, Телль-Брака и Хамукара в города. Предметов из золота во всем регионе ранее III тыс. до н.э. найдено очень мало, и они невелики по размеру. Их общий вес намного меньше, чем вес золотых изделий из Варненского могильника V тыс. до н.э., не говоря уже о сокровищах колумбийского могильника Малагана.

В отличие от Передней Азии, в Центральных Андах появление монументальных объектов, сокровищ и крупных поселений не совпадает по времени. Общественно-культурные сооружения значительного размера появляются на 1,5 тыс. лет раньше поселений с числом жителей 1,5–2 тыс. человек и на 3 тыс. лет раньше, чем города с населением 10 тыс. чел. и более. Сами эти поселения и города чаще всего выглядят как своего рода обрамление монументальных сооружений, так что требуются немалые усилия археологов, чтобы жилую застройку вообще обнаружить. Как указывалось, объемом кладки крупнейшие перуанские общественно-культурные сооружения II тыс. до н.э. превосходят не только урукские храмы, но и месопотамские зиккураты III–II тыс. до н.э. Золото в Центральных Андах впервые встречается в погребениях за тысячу лет до появления городов. В Нижней Месопотамии последовательность обратная — золото появляется позже, чем города.

Как отметил К. Маковский, один из виднейших специалистов по социальной антропологии Центральных Анд, в Андах население обычно скапливалось вокруг монументальных общественно-культурных объектов, тогда как на Ближнем Востоке такие объекты появлялись в городах, когда те достигали больших размеров [Makowski 1996: 78; 2008: 640]. В Андах, особенно на ранних этапах становления сложных социополитических систем, размеры и богатство общественно-культурных центров определялись не тем, сколько людей в этих центрах постоянно жило, а сколько приходило во время праздников [Makowski 2006]. Отсюда кажущееся несоответствие гигантских размеров монументальных платформ и незначительной жилой застройки.

Возможным исключением являются только Сузы. Это поселение было раскопано более ста лет назад без соблюдения элементарной методикой, так что последовательность возведения определенных объектов неизвестна. Однако, по данным разведок 1970-х годов, Сузы были построены на ранее незаселенной равнине, причем сельских поселений в непосредственной близости от этого центра не обнаружено. Могильник Суз отличается не только удивительным для первой половины IV тыс. до н.э. обилием медных вещей, но и необычайной концентрацией погребений — порядка двух тысяч на 120 кв. м. В этом можно видеть указание на значение Суз как прежде всего культового центра, которое он имел с самого своего основания [Hole 1987b: 95; 2010: 231].

Исключения из общего правила есть и в Древнем Перу. Здесь таковыми следует считать не памятники с общественно-культурной архитектурой, а напротив — большие поселения, на которых монументальных сооружений нет. Почти все подобные поселения в Центральных Андах возникали, однако, в периоды после распада одной системы идеологических связей и до становления новой. В I тыс. до н.э. так было в некоторых долинах побережья Перу (см. рис. 14 и 21), а в первых веках II тыс. н.э. — в горных районах (рис. 46). Для Колумбии и Центральной Америки интегрирующая роль общественно-культурных сооружений археологически не столь очевидна. Элита и здесь была связана с культом, но самыми заметными свидетельствами статусных различий являлись, похоже, не земляные платформы, а золото в погребениях и каменные изваяния в местах совершения ритуалов. Что касается льяносов Венесуэлы, то там, как и в некоторых районах Эквадора (по крайней мере в куль-

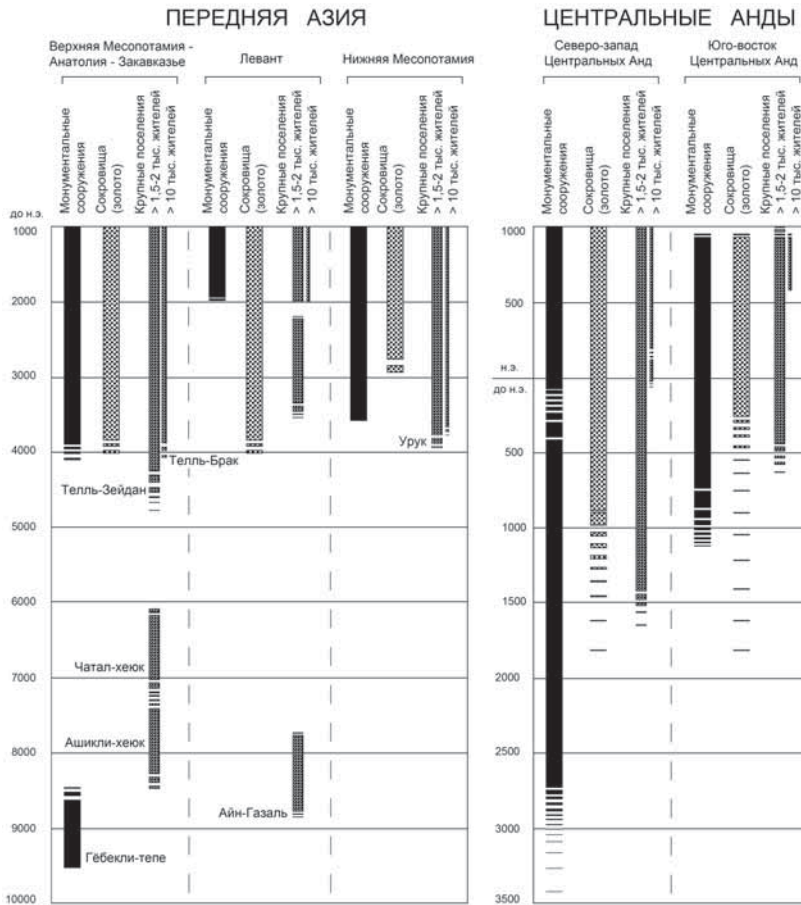

Рис. 96. Время появления общественных сооружений, сокровищ и крупных поселений в Передней Азии и Центральных Андах

турах упано и милагро-кеведо), основным признаком наличия над-общинного уровня организации являются следы крупномасштабных земляных работ.

Итак, среднемасштабные общества и ранние государства запада Южной и юго-востока Центральной Америки отличают от Передней Азии две существенные особенности. Во-первых, непропорционально большие по отношению к вероятной численности

населения размеры общественно-культурных сооружений (это особенно относится к первичному перуанскому очагу политогенеза на его начальном этапе). Во-вторых, столь же непропорционально большие ценности в элитарных захоронениях (золото, ткани) и нередко (как альтернатива сокровищам либо одновременно с ними) каменная скульптура.

К этому можно добавить еще два признака, известных по данным археологии и изобразительного искусства.

Прежде всего — использование галлюциногенных веществ в ритуалах с участием высшей элиты. После Колумба на севере и северо-западе Южной Америки подобные ритуалы фиксировались практически повсеместно. Невозможно сказать, были они характерны для всех древних культур андского пояса Южной Америки или нет. Но если опираться на данные по перуанским храмовым центрам II—I тыс. до н.э. и по государствам третьей четверти I тыс. н.э. (Уари и Тиуанако), не вызывает сомнений популярность и древность подобной практики. В этнографически известных культурах Южной Америки галлюциногены рассматриваются как сакральная субстанция высшей категории и противопоставлены «профанному» алкоголю [Brown 1978; 1985]. Зооморфные образы, господствующие в перуанском искусстве от первого появления фигуративных изображений в III тыс. до н.э. до по крайней мере эпохи уари (змеи и хищники с оскаленными пастьями), поразительно совпадают с теми, которые видят шаманы западной Амазонии после приема сильных галлюциногенов [Reichel-Dolmatoff 1975b: 49–60; Robinson 1972: 91].

Дошечки и трубочки для приема наркотиков в Амазонии и Андах очень похожи. Деревья из рода *Anadenanthera* (подсемейство мимозовых семейства бобовых), служившие источником сильных галлюциногенов, растут только в теплом климате. Поэтому было высказано мнение, что сама практика ритуального использования галлюциногенов проникла в Анды из тропических низменностей [Torres 1986: 49–50]. На самом деле из двух видов анаденантеры один, а именно *Anadenanthera colubrina* (то же, что *Piptadenia colubrina*), произрастает и в долинах Анд. Эти деревья изображены на сосудах культуры мочика и, помимо всего, являлись источником ценной твердой древесины [Quilter 2010: 122–123; Yacovleff, Herrera 1935: 42–43]. Поэтому сейчас назвать тот первоначальный ареал, где использование анаденантеры приобрело формы, известные по эт-

нографическим данным из Амазонии и археологическим данным из Перу, Боливии, Чили и Аргентины, невозможно. Из-за густого растительного покрова и неразвитости инфраструктуры степень археологической изученности зоны тропических лесов и саванн Южной Америки неизмеримо ниже, чем в Андах. Плохая же сохранность органики лишает археологов большей части той информации, которую дают раскопки в засушливых областях континента. В чем нет сомнений, так это в том, что без использования наркотиков облик цивилизаций Центральных Анд был бы иным. По крайней мере иными были бы формы изобразительного искусства и облик общественно-культурных сооружений.

Для Южной и Центральной Америки почти повсеместно характерна также ритуализованная военная активность, отраженная в культе голов-трофеев и реже в других действиях, связанных с добыванием и умерщвлением пленников. Между охотой за головами и использованием галлюциногенов существовала какая-то связь. Во всяком случае на изображениях уари (рис. 45.3, 4) и тиауанако оба мотива нередко объединены в рамках одной композиции. Персонаж с головой-трофеем или жезлом, который заканчивается такой головой, изображен на дощечках для приема наркотиков [Berenguer 2000: 80–81; Llagostera 2006, fig. 5].

* * *

Чем объяснить специфику американских культур? Дать исчерпывающий ответ на подобный вопрос вряд ли когда-нибудь удастся. Среди возможных причин — наличие дуальной организации или по крайней мере сочетание этого института с двумя другими: с праздниками заслуг и ритуалами возвращения первопредков.

Праздники заслуг (*feasts of merit*) — не вполне удачное обозначение социального института, распространенного как в пределах вероятной древнейшей прародины американских индейцев в Азии [Flannery, Marcus 2012; Kenilo 2005; Singh 1983], так и у многих народов Нового Света. В Азии праздники заслуг, в частности, характерны для тибето-бирманцев северо-восточной Индии и сопредельных районов Бирмы и Китая, т.е. для групп, в фольклоре и мифологии которых процент совпадений с фольклором и мифологией индейцев Южной и Центральной Америки один из самых высоких [Березкин 2005]. Сказанное не значит, что предки индейцев жили в Гималаях, — просто в этом районе лучше сохранились

древнейшие элементы культуры, исчезнувшие на равнинах Восточной Азии. Во время праздника заслуг человек для повышения своего престижа должен публично раздать или уничтожить имущество, устроить щедрый пир, создать значимые объекты неутилитарного назначения, например воздвигнуть менгир, и т.п. Нередко происходит своего рода соревнование между лицами, стремящимися добиться более высоких позиций в неформальной иерархии. Потлач индейцев северо-западного побережья необязательно имел форму антагонистической борьбы за власть и престиж [Березкин 2006; Mauzé 2004], но такой его вариант был тоже возможен.

Если праздники заслуг приобретают соревновательный характер; если в противостоянии участвуют люди, выступающие не только от своего имени, но и как представители разных фратрий (именно это характерно для тлинкитов, квакиутль и их соседей); наконец если речь идет не просто об устройстве пиршеств или раздаривании материальных ценностей, а о возведении некоторых долговременных объектов (это типично для нага северо-восточной Индии), тогда появление значительных по размеру общественно-культурных сооружений становится весьма вероятным. Желание продемонстрировать лучшие результаты должно способствовать возникновению структур, необходимых для организации работ, равно как и интенсификации производства продуктов, необходимых для содержания работников. Чем лучше организация и чем больше усилий вложено в сооружение неутилитарных объектов, тем выше престиж организаторов и выше вероятность того, что представители соперничающей фратрии постараются достичь большего — не только устроить более богатый пир, но и возвести более высокую земляную платформу. Этот процесс может начаться даже до завершения формирования производящей экономики, а после ее становления его развитие уже ничем не ограничено. Если сельскохозяйственный потенциал данной территории оказывается исчерпан, возможны как интенсификация производства за счет введения новых технологий, так и внешняя экспансия.

Правда, надо сказать, что для Амазонии и Гвианы праздники заслуг не характерны. В древних культурах Анд следы общественных пиршеств обнаруживаются часто, но кто и по какому конкретно поводу их устраивал, сказать трудно. Соответственно нет уверенности, что данный фактор действительно сыграл роль в процессе политогенеза в Южной Америке. Зато ритуалы возвращения перво-

предков на континенте получили полное развития, и мало сомнений в том, что они были характерны и для древних народов Анд. Речь идет об отношении к первопредкам как к сообществу сверхъестественных существ, регулярно посещающих мир людей и передающих ему некую жизненную энергию. Нередко ритуалы подобного рода связаны с институциональным разделением полов, т.е. с демонстрацией более высокого статуса группы взрослых мужчин по отношению к непосвященным. Такого рода данные есть по индейцам бассейна Ориноко, северо-западной Амазонии, бассейна Тапажоса (мундуруку), верховьев Шингу, Чако и Огненной Земли, но в прошлом институциональное разделение полов наверняка было распространено в Южной Америке шире [Березкин 2002; Verezhkin 2002]. Североамериканские и азиатско-океанийские параллели, на которых мы сейчас не станем останавливаться, позволяют предполагать существование подобных ритуалов у самых ранних мигрантов в Новый Свет.

Во время ритуалов первопредки материализуются в костюмах, масках и музыкальных инструментах, иногда также в раскрашенных керамических сосудах и пр. [Whitten 1976]. Традиционное искусство южноамериканских индейцев в основном и представлено изображениями первопредков, используемыми для оформления соответствующих ритуалов. В обществах со скудными ресурсами и бедной материальной культурой (огнеземельцы и некоторые индейцы Чако) образы первопредков создавали с помощью простейших масок из органических материалов и рисунков на теле [Fiore 2006]. Ни то, ни другое практически не оставляет археологических свидетельств. То же можно предполагать и для обществ Центральных Анд ранее середины III тыс. до н.э. Однако по мере расширения экономической базы и увеличения размеров коллективов изображения могут становиться все более сложными. Это видно на примере костюмов и масок амазонских индейцев, равно как и на примере перуанских изображений II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Стремление организаторов ритуалов придать зрелищам максимально помпезный характер и тем самым укрепить свой авторитет должно было сыграть роль в создании монументальных изображений из глины и камня в ранних культурах Перу. Каменные плиты с рельефами, обрамляющие углубленную ниже окружающей поверхности площадь перед «древним храмом» в Чавин-де-Уантар, равно как и расписной фриз в атриуме на вершине главной плат-

формы комплекса Гарагай в районе Лимы (вторая половина II тыс. до н.э.), об этом свидетельствуют (рис. 97). Изображения того же характера мы видим на масках индейцев юри из северо-западной Амазонии, сделанных в начале XIX в. (рис. 98). Хотя частные стилистические особенности различаются, сам принцип создания фантастических образов путем комбинации различных антропо- и зооморфных элементов один и тот же.

Рис. 97. Фрагмент полихромного фриза высотой 90 см в святилище на вершине главной платформы комплекса Гарагай близ Лимы, третья четверть II тыс. до н.э. [Fung Pineda 1988: 92], по [Agurto Calvo 1984: 74–75]. Весьма вероятно, что изображены первопредки, напоминающие качина у индейцев пуэбло, чьи костюмы и маски надевали участники ритуалов

Рис. 98. Маски индейцев юри, северо-западная Амазония, начало XIX в., по [Brésil indien 2005: 53]

Добавим, что у индейцев Амазонии и бассейна Ориноко ритуалы, отмечающие посещение мира людей первопредками, нередко включают использование галлюциногенов. В древних обществах андского региона происходило, скорее всего, то же самое.

Как говорилось выше, с середины I тыс. до н.э. в горных районах Перу и Боливии начинает распространяться новая ритуальная практика, связанная с представлениями не о чисто мифических существах, а о конкретных предках определенных родовых подразделений. Останки людей, являвшихся в свое время главами подобных

подразделений, сохранялись и регулярно выносились для обозрения собравшимся. Элементы этой практики могли появиться уже в культуре уари [Isbell 1977: 184–188, 299–300], но господствующей она становится лишь в прединкское время (рис. 99).

Самые ранние башнеобразные «открытые гробницы», предназначенные для хранения мумий умерших вождей, обнаружены

Рис. 99.

1) «Ноябрь, праздник мертвых», рисунок из хроники XVII в., по [Guaman Poma de Ayala 1956: 427]. «В это время, — пишет Гуаман Пома, — умерших вынимают из гробниц, кормят и поят, наряжают в богатые одеяния, голову украшают перьями, поют с ними и танцуют и носят на носилках из дома в дом и по улицам».

2, 3) Погребальные башни с открытым доступом к останкам погребенных в комплексе Эль-Кастильо в Маркауамачуко и в Паукартамбо, близ Куско, по [Isbell 1997, fig. 6.10, 6.2]

в культуре чота-кутерво, где они предположительно датируются III–V вв. н.э. (рис. 54.1). Позже всего (XI–XII вв.) такие гробницы, так называемые чуплы, распространяются на юге Центральных Анд — в бассейне оз. Титикака. Снаружи башни чота-кутерво украшены рельефами (рис. 54.4–12). Более поздние «открытые гробницы» на территории Перу и Боливии не имеют декора и вообще представлены как раз там, где после гибели уари и тиауанако фигуративное изобразительное искусство почти исчезает. Рельефы на плитах из Тиньяш (рис. 55) — чуть ли не единственный пример сохранившихся сюжетных изображений этого времени из горных районов.

Вполне вероятно, что отказ от изображений мифических персонажей стал следствием формирования новой идеологии. Существа, контакт с которыми помогал поддерживать существующий порядок, больше не нуждались в изображении, поскольку являлись, так сказать, во плоти — в виде демонстрируемых собравшимся мумий. Многоэтажность погребальных башен в северных и центральных районах Перу имеет, по мнению У. Исбея, логичное объяснение. Каждый этаж и каждая сторона башни были отведены представителям определенного поколения и определенных родовых подразделений [Isbell 1997: 279–281]. Данная ритуальная практика, как и специфическая система терминов родства и правил, регулирующих брачные отношения [Zuidema 1964], получила распространение только в Центральных Андах и точных аналогий за пределами этой области не находит. Однако она унаследовала главную особенность прежней практики, характерной для южноамериканской культуры в целом. Поддержание существующего порядка требует регулярных и массовых ритуальных действий, призванных обеспечить контакт с существами, которые населяли мир в прошлом. Чем большей властью обладает здравствующий глава родовой группы вплоть до Великого Инки, тем более помпезными должны быть ритуалы.

Что касается распространенной в Южной Америке охоты за головами, то этнографические материалы по эквадорским хиваро и бразильским мундуруку свидетельствуют о ее тесной связи с представлениями о плодородии и обилии природных ресурсов. Хотя демонстрация личной доблести являлась важнейшим стимулом, заставлявшим молодых мужчин участвовать в охоте за головами, на уровне общины эта практика была в большей степени связана с ре-

лигиозно-магической сферой, чем с борьбой этнических групп за ресурсы [Harner 1962: 264–266; Murphy 1958: 53–58].

В обществах андского региона непосредственные побуждения к любой организационной активности, отраженной в монументальном строительстве и производстве дорогостоящих неутилитарных изделий, были обусловлены определенными представлениями о мире. Общественная и культовая сферы оставались неразделимы, о чем красноречиво свидетельствует расположение жилищ элиты на вершинах монументальных платформ — там же, где храмы. Что касается интересов отдельных домохозяйств, то они были подчинены интересам общины и находящихся во главе ее лидеров, наделенных сакральной властью. Характерно, что центры с монументальной архитектурой и значительной жилой застройкой вокруг нее часто возникали на пустом месте и существовали не более пяти–шести веков, а порой и намного меньше. Таковы Ла-Флорида, Гальинасо, Санта-Роса, Кауачи, Уакас-де-Моче, Галиндо, Пампа-Гранде, Батан-Гранде, Тукуме, Уари, Маркауамачуко, Пукара, Чан-Чан и многие другие. Нестабильность положения крупнейших храмов с окружающими их поселениями можно объяснить тем, что, в отличие от городов Передней Азии, они возникали в результате не стихийных экономических процессов, а по желанию определенных элитарных групп, руководствовавшихся скорее религиозно-идеологическими, чем экономическими соображениями. Роль поселений в экономике определялась сакральным статусом находящихся в них объектов, и когда этот статус утрачивался, поселения исчезали [Makowski 1996: 74, 77; 2008: 640]. В то же время культовые центры, не имевшие значительного постоянного населения, могли существовать тысячу и более лет, переживая смену культур и сохраняясь в эпохи упадка. Примером служат Сан-Хосе-де-Моро в низовьях Хекетепеке [Swenson 2012] и, разумеется, Пачакамак близ Лимы. В отношении роли хозяйственных и культовых факторов, определяющих стабильность системы поселений, Сузиана скорее похожа на Центральные Анды, чем на соседнюю Месопотамию. Однако Сузиана — это лишь небольшая область, развитие которой протекало самостоятельно очень недолго. После середины IV тыс. до н.э. она всегда оказывалась под властью то Месопотамии, то Элама.

Для Передней Азии, Ирана и сопредельных территорий характерны телли, состоящие из культурных напластований — останцов стен, развалов сырцовых кладки и бытовых отходов. За столетие

накапливается менее 1 м таких отложений. Это означает, что телли высотой около 30 м находятся на месте поселений, существовавших на протяжении как минимум 3 тыс. лет. Высота Телль-Брака составляет 40 м. Столь высоких теллей немного, но скопления культурных остатков высотой 10–15 м в переднеазиатском регионе обычны. Продолжительное существование поселений определяется долговременными экономическими причинами (наличием сельскохозяйственных ресурсов и расположением торговых путей) и естественным нежеланием людей уходить с обжитой территории и оставлять могилы предков. Внешне древние памятники андской области и Центральной Америки порой напоминают ближневосточные телли, но лишь некоторые небольшие «тола» состоят из постепенно накапливавшихся отложений. Все крупные объекты представляют собой искусственные платформы, возведенные одновременно или в несколько приемов.

Свойственные обществам Южной и Центральной Америки особенности социополитической организации, отраженные в особенностях археологических памятников, невозможно объяснить какими-то кардинальными отличиями природных условий данного региона от условий, характерных для Передней Азии. Напротив, условия эти относительно сходны. Только для древних обществ Ближнего и Среднего Востока и Центральных Анд характерно сочетание оазисного земледелия со скотоводством и соседство аллювиальных равнин с горными областями. Также только в этих регионах Древнего мира металлургия появилась рано и самостоятельно. Поэтому остается предположить, что особенности функционирования надобщинных социополитических институтов в древней Южной Америке определялись особенностями функционирования институтов внутриобщинных, сформировавшихся задолго до начала строительства первых земляных платформ и создания первых каменных статуй.

Дуальная организация в сочетании с ритуалами возвращения первопредков и, может быть, праздниками заслуг стимулировала создание и демонстрацию не только монументальных архитектурных объектов, но — с определенного времени — и материальных ценностей, которые можно было накопить или передать (произведения искусства и сокровища). Это должно было способствовать росту общественного неравенства и соответственно укреплению властной иерархии. Что же касается Передней Азии, то здесь при

формировании сложных политических структур горизонтальные связи между мелкими коллективами долгое время имели большее значение, нежели соподчинение лидеров. Элита не была резко отделена от общества и не использовала контроль над престижными ценностями и сакральным знанием в качестве главного инструмента для выстраивания «вертикали власти». Именно поэтому в культурах неолита—энеолита Передней Азии мы не находим ни сокровищ, ни многочисленных произведений фигуративного изобразительного искусства, ни монументальных объектов. Крайнюю форму подобной тенденции демонстрирует, кажется, хараппская культура, однако рассматривать памятники долины Инда не входит в нашу задачу.

Исследованное в 1980—1990-х годах при участии автора этого текста энеолитическое поселение Илгынлы-депе на юге Туркмении [Березкин, Соловьева 1998] — типичный пример древней общины, основанной не на вертикальных, а на горизонтальных связях. Структурно Илгынлы-депе очень похоже на Чатал-хеюк и поселение Телль-Абада убейдской культуры Месопотамии. При числе жителей не менее 1,5 тыс. на Илгынлы-депе отсутствовали специализированные общественно-культовые объекты, а погребения содержали минимум инвентаря. В то же время в жилых помещениях домохозяйств обнаружено множество объектов ритуального назначения. Здесь же найдены большие сосуды, в которых, скорее всего, хранились запасы зерна, достаточные для того, чтобы накормить десятки людей. Сеть горизонтальных связей между домохозяйствами, а не наделенная сакральным статусом управленческая вертикаль и была той структурой, которая обеспечивала единство общины. Интересно, что на юге Туркмении с опозданием на 3 тыс. лет прослеживается тот же переход от поселений со специализированными общественно-культовыми зданиями (они найдены на поселениях Песседжик-депе и Чагыллы-депе джейгунской культуры VI тыс. до н.э.) [Бердыев 1970; Mellaart 1975: 213] к поселениям, в которых подобных зданий вовсе не было. Мало сомнений в том, что решения в таких случаях принимались не отдельными лидерами, а путем обсуждения вопросов представителями домохозяйств.

В любом обществе элита имеет ограниченный выбор стратегий, обеспечивающих ее доминирование. Это контроль над продовольственными ресурсами (“staple finance”), продуктами престижного потребления (“wealth finance”) [D’Altroy, Earle 1985]

и эзотерическим знанием. Особенности археологических памятников Передней Азии эпохи неолита и энеолита указывают на то, что местная элита контролировала прежде всего сферу производства и массового потребления. Если бы политические структуры были основаны на контроле за престижным потреблением и эзотерическим знанием, мы бы наверняка обнаружили на памятниках Передней Азии VI—V тыс. до н.э. захоронения с экзотическим и дорогостоящим инвентарем и, скорее всего, многочисленные произведения фигуративного изобразительного искусства, а культовые сооружения резко бы отличались по размеру и виду от жилых построек.

Как именно и почему в IV тыс. до н.э. в Месопотамии ситуация стала меняться и монументальные сооружения начали строиться, еще предстоит выяснить. Что конкретно заставляло обитателей Нижней Месопотамии и Сузианы переселяться в крупные центры, пока тоже трудно определить. Однако беспрецедентную концентрацию населения в районе Урука во второй половине IV тыс. до н.э. [Adams 1981: 69] можно рассматривать как знак того, что «вертикаль власти» еще оставалась слабой. Соответственно было невозможно организовать управление десятками тысяч людей, рассеянными на большой территории. Кроме того, если сравнивать с побережьем Перу, в период расцвета урукской культуры размеры монументальных сооружений в Нижней Месопотамии остаются невелики по отношению к численности населения, а сокровища отсутствуют или по крайней мере настолько редки, что до сих пор их не удалось обнаружить.

То, что развитие сложных обществ в Америке и Передней Азии шло по-разному, видно каждому, кто хотя бы поверхностно знаком с соответствующими археологическими материалами. Однако долгое время если о подобных различиях и шла речь, то подчеркивалась главным образом ограниченность технологической базы американских обществ по сравнению с евразийскими, в частности отсутствие скотоводства [Sherratt 1981]. Это неверно — в Центральных Андах скотоводство не только возникло, но и быстро достигло стадии использования вторичных продуктов. Кроме того, технология лишь в редких случаях могла прямо влиять на особенности политической организации. Существующий уровень технологического развития в сочетании с размерами природных ресурсов определяет границы роста, но не формы общественного устройства. Поэтому кажется вероятным, что к моменту появления древнейших сложных обществ

в Америке и на Ближнем Востоке характерные для этих регионов формы социальной организации давно сложились. Наличие фратрий, институционального разделения полов и «праздников заслуг» в форме антагонистического соревнования соперничающих лидеров и групп можно предполагать у ранних мигрантов в Новый Свет, но вряд ли у верхнепалеолитических обитателей Передней Азии. Что касается культуры Верхнего Евфрата времен Гёбекли-тепе, то она пока является уникальным явлением для своего региона, а репертуар местного искусства (сочетание изображений животных, геометрических символов и причудливых антропоморфных фигур) находит больше параллелей в искусстве верхнего палеолита Европы, чем в неолите и энеолите Передней Азии. Свидетельств существования дуальной системы в Гёбекли нет. Что касается праздников заслуг и ритуалов посещения людей первопредками, то, если они в этом обществе и имели место, их конкретные формы наверняка значительно отличались от характерных для Нового Света.

В догосударственную эпоху как в Америке, так и в Передней Азии интеграция коллективов происходила путем их приобщения к определенным культам, а контроль над хозяйственной деятельностью являлся важной функцией храмовых центров. Но если ранние храмы Месопотамии регулировали главным образом производство продуктов массового потребления [Маккау 1983], то перуанские — монументальное строительство и производство престижных изделий (дорогих тканей, изделий из золота и т.п.).

Более значительную ролью религиозной идеологии как фактора, обеспечивающего политическое единство в Андах по сравнению с Передней Азией, можно объяснить меньшую стабильность американских обществ по сравнению с переднеазиатскими. В Сирии и Месопотамии начиная по крайней мере с VI тыс. до н.э. развитие шло хотя и медленно, но по восходящей без срывов и отступлений вплоть до становления Шумерской цивилизации, известной по историческим источникам. События рубежа IV и III тыс. до н.э., связанные с концом урукской культуры, началом периода джемдетнарс в Нижней Месопотамии и возвышением протоэламской цивилизации, не привели к обрыву самой традиции государственности. Безусловно, распад сложных социополитических организмов и деурбанизация не обошли стороной также и древние общества Ближнего и Среднего Востока. Однако подобные процессы в Леванте, Иране, Южной Туркмении и долине Инда, имевшие

место в конце III — первой половине II тыс. до н.э., скорее всего, явились прямым следствием иссушения климата и физической невозможности снабжать водой и едой тысячи людей, сосредоточенных на небольшой территории. Климат Северного полушария стал суше и холоднее около 2200 до н.э. и оставался таким не менее 300 лет [Иванова и др. 2011: 125–126]. В Америке влиянием засухи можно объяснить лишь оставление Тиауанако, если оно действительно произошло в начале XII в., а не раньше. Общества перуанского побережья время от времени испытывали тяжелые удары стихии в виде цунами, эль-ниньо и тектонической активности. Это, однако, лишь приводило к гибели одних центров и возвышению других, а не к долговременному и повсеместному упадку. Подобный упадок, дважды случившийся в истории Центральных Анд, можно объяснить только кризисом идеологических основ древних обществ.

Исследования последних десятилетий показывают, насколько по-разному шло становление сложных обществ в Америке и на Ближнем Востоке. В обоих случаях значительный рост социально-политической сложности был невозможен без перехода к производящему хозяйству, но процесс изменений имел собственный импульс. Усложнение общества началось до появления земледелия и тем более до его превращения в ведущую отрасль экономики. Различия в динамике политогенеза в первичных очагах образования государств в Старом и Новом Свете связаны с различием не столько природной среды, сколько культурных традиций. Как, когда и почему эти традиции приобрели свойственные им черты — вопрос особый.